

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Священник Геннадий Егоров

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

ВЕТХОГО ЗАВЕТА

(Фрагмент: Учительные книги: Книга Иова. Псалтирь)

Курс лекций

Москва
2011

Раздел III

УЧИТЕЛЬНЫЕ КНИГИ

Книги, составляющие третий раздел Священного Писания Ветхого Завета, к изучению которого мы приступаем, называются по преимущественному содержанию учительными, а по своей форме – поэтическими.

Воскресший Христос сказал ученикам: *«Вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах»* (Лк. 24: 44). Из его слов видно, что эти книги в то время объединялись под общим названием «псалмы». Поэтическими эти книги называли святители Кирилл Иерусалимский и Григорий Богослов, а также преподобный Иоанн Дамаскин. Учительными же их одним из первых называл писатель IV века Леонтий Византийский [69, т. 4, с. 3].

По объяснению святителя Афанасия Великого, «прилично было, чтобы Св. Писание песнословило Бога не только последовательной [прозаической] речью, но и не имеющей строгой последовательности [поэтической]. Так, речью связною сказано принадлежащее к закону и пророкам и все повествовательное, со включением Нового Завета. Не имеющей же строгого порядка речью сказано заключающееся в псалмах и песнопениях. А этим и соблюдается требуемое Законом, чтобы люди любили Бога всею крепостию и силою» [5, т. 4, с. 29]. Также он называет речь учительных книг «распространенной» [там же], указывая тем самым на особую форму, свойственную еврейской поэзии, когда мысль передается посредством двух или более связанных между собой по смыслу выражений (параллелизм).

Учительными эти книги мы называем потому, что в них содержится «учение благочестия» [84, с. 16]. «Учительные книги носят по преимуществу субъективный характер, в отличие от объективного изложения истин веры и благочестия в законе и объективного же описания жизни еврейского народа в писаниях исторических» [5, т. 4, с. 3]. Их задача – объективные законы и постановления, данные Богом, сделать для человека достоянием его собственной мысли, чувства и воли; показать их согласие с человеческой природой. Они дают нам переживание и осмысление этих богооткровенных истин в повседневной жизни, а также ответ человеческого духа на голос Божий. Каждая из учительных книг делает это особым образом; остальные особенности учительных книг мы рассмотрим в разделах, посвященных каждой из них.

Заметим, что деление на главы здесь достаточно условно и в некоторых книгах иногда даже мешает уловить смысл, потому что мы привыкли, что если глава кончилась, то кончился и смысловой отрывок, а это может быть совсем не так, ибо это деление на главы сделано достаточно произвольно: иногда удачно, иногда не очень.

Глава 20. Книга Иова

Книга не содержит определенных указаний на время ее написания и авторство. Святитель Иоанн Златоуст считал ее составленной если не Моисеем, то Соломоном [см. 29, т. 6, с. 664]. Следует заметить, что бытовые реалии, которые в этой книге описываются, вполне могут быть отнесены к эпохе патриархов, к началу второго тысячелетия до Рождества Христова. Особенности языка и стиля этой книги, близость ее по многим выражениям к Псалтири скорее свидетельствуют о том, что окончательный вид свой она получила во времена расцвета Израильского царства, то есть во времена Соломона, когда появились на свет и другие произведения учительной литературы. Одно другому не мешает, поскольку древнее предание могло обрести свою окончательную форму гораздо позже или в это время она была

изложена по-еврейски. В других книгах Священного Писания об Иове говорится как о реальном историческом лице (Иез. 14: 14; Иак. 5: 11). В дополнении, находящемся в Септуагинте и славянской Библии, говорится, что Иов был потомок Исава, пятый от Авраама.

20.1. Исторический пролог

Первые две главы представляют собой введение или исторический пролог, в котором повествуется о том, что в земле Уц жил благочестивый человек по имени Иов. О местонахождении этой земли есть много разных предположений. Одно из самых распространенных — северо-западная часть Аравии на границе с Идумеей. Писание представляет нам богатство и благочестие Иова, который имел обыкновение приносить жертвы не только за себя, но и за своих сыновей, ходатайствуя перед Богом о прощении их возможных прегрешений.

Далее в Писании сказано: *«пришли сыны Божии предстать пред Господа, между ними пришел и сатана»* (Иов. 1: 6) – картина довольно своеобразная по своему «натурализму», но она имеет, конечно, свое объяснение.

Это описание ясно свидетельствует нам, что, несмотря на то что сатана отпал от Бога и больше не стоит в ряду других ангелов, но тем не менее «в своем желании противиться Божественному плану... в конце концов, вынужден участвовать в его исполнении» [47, с. 587].

Сатана (или диавол, т.е. клеветник) начинает клеветать на Иова, говоря о том, что этот праведник небескорыстен; что легко быть благочестивым, когда Бог о нем так заботится, когда у него все есть, когда он огражден со всех сторон этим попечительством. Вот если бы отнять у него все, то тогда стало бы ясно, действительно ли он такой праведный, как о нем все говорят.

Обратите внимание: сатана не имеет власти. Разве он не растерзал бы Иова, имея он ее? Но он говорит Богу: *«Прости руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?»* (Иов. 1: 11). И вот сатане дается позволение поразить все, что есть у Иова, только самого Иова не трогать.

Святитель Григорий Двоеслов замечает по этому поводу: «Удивительно, что он не присваивает себе права поражать, и это тот, кто никогда не упускает случая гордиться своей гордыней перед Творцом всяческих. Диавол знает, что сам по себе он не способен ни на что и даже не существует сам по себе как дух. <...> Надо знать, что воля сатаны всегда зла, но могущество его не вне закона. Потому что волю он имеет от самого себя, власть же – от Бога. То, что он хочет сделать по злобе, то Бог позволяет ему исполнить по правосудию. <...> Не следует бояться того, кто ничего не может делать без разрешения. Надо только трепетать перед той силой, которая, разрешая врагу буйствовать, заставляет неправую волю служить исполнению правых предопределений» [47, с. 588].

И вот наступает день, когда к Иову приходят подряд четыре вестника, которые сообщают, что все стада его уничтожены, всех верблюдов его увели, что рухнул дом, в котором находились его дети, и все они погибли. Тогда встал Иов, поклонился Богу и сказал: *«наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно! Во всем этом не согрешил Иов и не произнес ничего неразумного о Боге»* (Иов. 1: 20–22).

Затем диавол опять начинает говорить о том, что хотя из его происков ничего не получилось, однако за жизнь свою человек отдаст все, что угодно, вплоть до того, что отречется от Бога: *«прости руку Твою и коснись кости его и плоти его, – благословит ли он Тебя? И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей, только душу его сбереги. И отошел сатана от лица Господня и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его. И взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел /вне селения/»* (Иов. 2: 5–8). Вот картина. Мало того что это неизлечимая болезнь, при которой заживо разлагается тело, – это еще болезнь, которая всегда считалась нечистой. И вот он

сидит вне селения, скребет себя черепком, в кратчайший срок потеряв все: уважение, славу, богатство (Иов. 2: 8).

Искушение продолжается. *«И сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри»* (Иов. 2: 9). Интересно, смотрите: дома нет, семьи нет, скот уничтожен, а жену диавол не тронул. Смотрите, какая смысловая нить потянулась к книге Бытия. Как видим, враг не слишком разнообразен в своих приемах. Но Иов не уподобился Адаму и сказал: *«ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? Во всем этом не согрешил Иов устами своими»* (Иов. 2: 10). Но обратите внимание: *«злого не будем принимать»*, – для Иова зло, которое на него обрушилось, от Бога, для Иова нет третьей стороны, он не видит ее, для него есть Бог и он. В этой связи ситуация для него выглядит крайне странно.

Пролог книги для нас очень важен, поскольку проясняет нам исключительность ситуации, в которой оказался Иов, для того чтобы мы не соблазнились тем, что произойдет дальше. Запомним: из пролога нам теперь известно то, что неизвестно действующим лицам.

Сделаем небольшое отступление. Первые две главы могут привести вдумчивого читателя в некоторое смущение. Двое о чем-то спорят и доказывают это за счет третьего, который вообще не в курсе происходящего. Да, диавол оклеветал Иова, но ведь Бог всеведущ, а заставлять Иова страдать, чтобы доказать его праведность диаволу, не есть ли величайшая несправедливость? Почему нужно было на нем все это испытывать? На этот вопрос мы отвечать сейчас не будем, сделаем это позже.

20.2. Собеседование Иова с друзьями

Услышав о несчастье Иова, к нему приходят трое друзей – Елифаз Феманитянин, Виллад Савхейнин и Софар Наамитянин, по-видимому тоже богатые и знатные, как и он сам. Видя его в таком положении, в течение нескольких дней сидят рядом с ним и ничего не произносят: у них не находится ни одного слова, чтобы сказать Иову. Что они при этом думают, можно заключить из того собеседования, которое между ними происходит в дальнейшем. Тогда Иов начинает говорить первым и проклинает тот день, в который он родился:

«Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! День тот да будет тьмою; да не взыщет его Бог свыше, и да не воссияет над ним свет! Да омрачит его тьма и тень смертная, да обложит его туча, да страшатся его, как палящего зноя! Ночь та, – да обладает ею мрак, да не сочтется она в днях года, да не войдет в число месяцев! <...> Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева? <...> На что дан страдальцу свет, и жизнь огорченным душою, которые ждут смерти, и нет ее, которые вырыли бы ее охотнее, нежели клад, обрадовались бы до восторга, восхитились бы, что нашли гроб? [На что дан свет] человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком?» (Иов. 3: 3–6, 11, 20–23).

Мы знаем и других ветхозаветных праведников, которые тоже сетовали и стонали, подобно Иову. Моисей молился и говорил: *«для чего Ты мучишь раба Твоего? и почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? <...> когда Ты так поступаешь со мною, то лучше умертви меня, если я нашел милость пред очами Твоими, чтобы мне не видеть бедствия моего»* (Числ. 11: 11, 15). Упомянем и пророка Иеремию, который говорил: *«Проклят день, в который я родился! день, в который родила меня мать моя, да не будет благословен!»* (Иер. 20: 14). Скорби этих ветхозаветных праведников велики, смерть кажется им избавлением. Здесь неслучайно много раз повторено слово «ветхозаветные», потому что они жили до благодати. После ниспослания Святого Духа апостол Павел хвалится скорбями и страданиями, говоря: *«в чем похваюсь? Только в скорбях моих похваюсь»* («собою же не похваюсь, разве только немощами моими») (2 Кор. 12: 5), – потому что благодать Божия позволяет это переживать совсем по-другому.

Когда заговорил Иов, друзья вынуждены отвечать. Они пытаются его утешить, но делают это довольно своеобразно.

Главы 4–26 построены по четкой схеме. Это три круга бесед: по очереди речь каждого из друзей Иова (Елифаза, Вилдада и Софара; правда, в третьем собеседовании речи Софара нет), и ответ Иова на каждую из них. Потом следуют две речи Иова в защиту своей праведности и речь некоего Елиуя, который на протяжении всех предыдущих глав нигде не упоминается.

Что же говорят Иову его друзья? Они начинают ему говорить, что он неразумно ропщет на Бога, потому что Бог справедлив. Бог наказывает нечестивого, Бог благословляет праведника, и поэтому Иов может не беспокоиться о своей судьбе: если Иов праведен, как он думает, Бог его вознаградит и помилует (Иов. 8: 5–7). По умолчанию выходит так, что если Иов – грешник, то поделом ему, только это явным образом не озвучивается. Но Иов должен смиренно молить Бога о помиловании, потому что у Бога просто так ничего не бывает.

Здесь еще нужно вспомнить о том, что если Иов действительно пятый от Авраама и живет в земле Уц, то это еще до Закона происходит. Но даже если принять во внимание Закон, то ситуация будет немногим проще. Ведь на первый взгляд все Пятикнижие построено – по крайней мере, если не вникать в какие-то глубины, – на идее наказания и воздаяния земного. Кто будет соблюдать Закон Божий, тот будет благословен, у того все будет хорошо, нечестивый будет наказан, истреблен. Никакой четко выраженной мысли о загробном воздаянии здесь нет, поэтому ход мыслей друзей Иова выглядит вполне закономерным.

Давайте спросим себя, что бы мы сказали человеку, оказавшемуся в ситуации Иова? Примерно то же, что говорили тому друзья. Но в случае Иова все это оказывается неверно. Иов страдает безвинно, и это ему, в отличие от друзей, хорошо известно. Иов упрекает своих друзей, как ни странно, в малодушии. Он говорит: *«вы... увидели страшное и испугались»* (Иов. 6: 21). Впоследствии мы еще вернемся к этим словам. Действительно, трудно иначе объяснить ту энергию, с которой они полемизируют с Иовом.

После того как Елифаз порассуждал о том, что Бог благословляет праведников и наказывает грешников (Иов. 4), Иов понимает, куда дальше пойдет разговор: *«Что доказывает обличение ваше?»* – и требует, чтобы ему доказали, что он действительно грешник. Вилдад начинает его убеждать, что Бог не может быть неправедным судьей и если погибли сыновья Иова, значит, они согрешили (Иов. 8). И Иов в ответ соглашается, что никто не может быть чист перед Богом и никто не может быть праведным перед Богом, и просит, обращаясь к Богу, чтобы был какой-то ходатай, который бы смягчил гнев Божий.

Затем Софар, третий друг, уже прямо обвиняет Иова в том, что он, по-видимому, грешник и поэтому вполне заслуженно несет свое наказание (Иов. 11). На что Иов ему отвечает, что они, конечно, люди весьма мудрые, но если вся их мудрость заключается в том, что они не смогли найти ни одного слова сострадания его положению, а только убеждают его, что так ему и надо, что он должен осознать свой грех и покаяться в нем, обвиняя его таким образом во лжи, то лучше бы они не назывались мудрецами. Иов начинает требовать суда Божия, обращается уже к Самому Богу с требованием суда, чтобы Господь открыл ему, почему так происходит (Иов. 13: 22–24).

Друзья снова по очереди обращаются к Иову. Поскольку Иов с ними не согласился, они начинают убеждать его признать себя грешным. Одним из его грехов, с их точки зрения, является высокомерие, с которым он говорит о себе; самонадеянность, с которой он рассуждает о своей праведности; дерзость, с которой он берется судить о делах Божиих на земле. Друзья указывают ему: неужели он думает, что если он сейчас умрет на этой куче пепла и навоза, то земля без него опустеет, случится мировая катастрофа? С какой стати он устраивает трагедию из своего страдания? *«[О ты], раздирающий душу твою в гневе*

твоим! Неужели для тебя опустеть земле, и скале сдвинуться с места своего?» (Иов. 18: 4). У Бога и без него дел много. Пути Промысла Божьего непостижимы, но все-таки они твердо убеждены, что суд Божий совершается здесь, на земле, всегда, в любых условиях и поэтому, если с Иовом такое произошло, значит, он грешен.

В конце третьего цикла бесед друзья начинают уже конкретно перечислять, в каких грехах он, наверное, виноват: он притеснял вдовиц, обижал сирот, отказывал в хлебе голодным. При этом Елифаз высказывает следующую мысль: *«Разве может человек доставлять пользу Богу? Разумный доставляет пользу себе самому. Что за удовольствие Вседержителю, что ты праведен? И будет ли Ему выгода от того, что ты содержишь пути твои в непорочности? Неужели Он, боясь тебя, вступит с тобою в состязание, пойдет судиться с тобою?»* (Иов. 22: 2–4).

В ответ Иов подтверждает, что пути Божии неисповедимы, что никто не чист перед Богом, что даже в ангелах Своих Бог усматривает недостатки, но все-таки ему кажется, что мера возможного греха его не соответствует той мере страданий, той мере наказаний, которую он несет. И более того, Иов вопиет к Богу и молит о помиловании и ослаблении страдания, даже если он и грешен. Потому что завтра его не будет и никто не вспомнит, кто он и каков был. Но при этом решительно не соглашается признаваться в тех грехах, в которых его обвиняют друзья: *«не укорит меня сердце мое во все дни мои»* (Иов. 27: 6).

Судя по тому что во время этого третьего цикла бесед Софар уже ничего не говорит, собеседование зашло в тупик, каждый остался при своем, аргументы исчерпаны.

Получается, друзья в итоге пришли к выводу, что из случившегося с Иовом и его поведения следует, что на самом деле он был прежде тайным грешником, но благополучные обстоятельства жизни не давали возможности этому проявиться. Как богач в евангельской притче. Он всю жизнь праздновал, и все у него было хорошо, и только потом выяснилось, что он нехороший человек. Но ведь в начале книги то же самое говорил об Иове сатана. Выходит, что суждение по внешности легко оборачивается сатанинской клеветой. Иов ее признать не может.

Правда, святитель Иоанн Златоуст из молчания Софара заключает, что Иов победил в споре, доказав свою правоту, после чего сделал поучение на пользу друзьям [см. 29, т. 6, с. 668]. В конце Иов снова убеждает друзей в своей невинности, перечисляя достаточно подробно свои добродетели.

Нужно сказать, что 31-ю главу Книги Иова полезно почитать, чтобы посмотреть, каковы были ветхозаветные праведники – праведники до благодати, и себя сравнить: таковы ли мы, христиане?

И наконец, он вновь высказывает желание, чтобы не из уст своих друзей слушать обвинения, но чтобы Бог Сам рассмотрел его дело. И в качестве доказательства искренности он выражает готовность понести проклятие, если ему действительно будут предъявлены какие-то серьезные обвинения (Иов. 31: 8, 22, 40).

То, что друзья не смогут договориться, разговор пойдет в тупик горестного недоумения, можно было заподозрить с самого начала.

Беда в том, что главная проблема Иова совсем не в том, в чем пытаются его утешить друзья. Они представляют, что главная его беда – это болезнь и все прочие внешние обстоятельства. Но диалог Иова с женой показал, что сами по себе эти несчастья он переносил мужественно, что его тяготит нечто другое. Иов не спрашивает: где мои дети, где мои верблюды, где мое здоровье? Его волнует другое: *«Я, который взывал к Богу, и которому Он отвечал»*, – говорит он, – теперь стал посмешищем, и не могу объяснить почему, я брошен Богом, оставлен. Был другом Богу, а теперь неизвестно что и не могу объяснить, что я сделал.

То есть Иова мучает то, что он не имеет ответа от Бога, а они его пытаются утешать в том, что он бедный и больной. Его скорбь вообще никак ему не понятна, и потому так мучительны для него «утешения» окружающих. Для них все просто – он лишился имущества, надо помочь ему перетерпеть это и придумать, как вернуть все обратно. Им

непонятно, почему он так остро реагирует на совершенно очевидные вещи, когда очевидный выход – смириться, покаяться и принять все как есть, и тогда, несомненно, милосердный Бог поможет. А Иов почему-то в упор его не видит. Они знают, что Иов не глупее их, и почему он не может такую простую вещь понять. Если бы они только молчали, говорит он, это было бы вменено им в мудрость.

Он разделяет полностью их соображения, он согласен, что праведность Богом вознаграждается, а грехи наказываются. Ему это самому понятно, так и было. Ему непонятно, что поменялось. Со стороны Иова ведь ничего не менялось, а Бог вдруг резко повел себя по-другому. Богооставленность – вот источник боли Иова, вот почему он так скорбно взывает. Но друзья слышат только его резкость, особенно когда он начинает говорить о Боге и, как им кажется, в чем-то Его обвинять. Тем самым, не видя и не понимая, в чем именно проблема Иова, друзья только усиливают его страдания.

В силу того что собеседования достаточно объемны, для наглядности приведу ряд выдержек из речей Иова и его утешителей.

1-й цикл:

Елифаз: *«Вспомни же, погибал ли кто невинный, и где праведные бывали искореняемы?»* (Иов. 4: 7).

«Вот, что мы дознали; так оно и есть: выслушай это и заметь для себя» (Иов. 5: 27).

Иов: *«К страждущему должно быть сожаление от друга его, если только он не оставил страха к Вседержителю»* (Иов. 6: 14).

«Так и вы теперь ничто: увидели страшное и испугались. Говорил ли я: дайте мне, или от достатка вашего заплатите за меня; и избавьте меня от руки врага, и от руки мучителей выкупите меня? Научите меня, и я замолчу; укажите, в чем я погрешил. Как сильны слова правды! Но что доказывают обличения ваши? Вы придумываете речи для обличения? На ветер пускаете слова ваши. Вы нападаете на сироту и роете яму другу вашему» (Иов. 6: 21–27).

«Если я согрешил, то что я сделаю Тебе, страж человеков! Зачем Ты поставил меня противником Себе, так что я стал самому себе в тягость? И зачем бы не простить мне греха и не снять с меня беззакония моего? ибо, вот, я лягу в прахе; завтра поищешь меня, и меня нет» (Иов. 7: 20, 21).

Вилдад: *«долго ли ты будешь говорить так? – слова уст твоих бурный ветер! Неужели Бог извращает суд, и Вседержитель превращает правду?»* (Иов. 8: 2, 3).

Иов – Вилдаду: *«правда! знаю, что так; но как оправдается человек пред Богом?»* (Иов. 9: 2).

«Если [действовать] силою, то Он могуществен; если судом, кто сведет меня с Ним? Если я буду оправдываться, то мои же уста обвинят меня; [если] я невинен, то Он признает меня виновным» (Иов. 9: 19, 20).

«Ибо Он не человек, как я, чтоб я мог отвечать Ему и идти вместе с Ним на суд! Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на обоих нас» (Иов. 9: 32–33).

Иов – Софару: *«подлинно, [только] вы люди, и с вами умрет мудрость! И у меня [есть] сердце, как у вас; не ниже я вас; и кто не знает того же? Посмешищем стал я для друга своего, я, который взывал к Богу, и которому Он отвечал, посмешищем — [человек] праведный, непорочный. Так презрен по мыслям сидящего в покое факел, приготовленный для спотыкающихся ногами»* (Иов. 12 :2–5).

«Вот, все [это] видело око мое, слышало ухо мое и заметило для себя. Сколько знаете вы, знаю и я: не ниже я вас. Но я к Вседержителю хотел бы говорить и желал бы состязаться с Богом. А вы сплетчики лжи; все вы бесполезные врачи. О, если бы вы только молчали! это было бы [вменено] вам в мудрость. Выслушайте же рассуждения мои и вникните в возражение уст моих. Надлежало ли вам ради Бога говорить неправду и для Него говорить ложь? Надлежало ли вам быть лицеприятными к Нему и за Бога так препираться? Хорошо ли будет, когда Он испытает вас? Обманете ли Его, как

обманывают человека? Строго накажет Он вас, хотя вы и скрытно лицемерите» (Иов 13: 1–10).

2-й цикл:

Елифаз: «Тебя обвиняют уста твои, а не я, и твой язык говорит против тебя» (Иов. 15: 6).

Иов: «слышал я много такого; жалкие утешители все вы!» (Иов. 16: 2).

«И ныне вот на небесах Свидетель мой, и Заступник мой в вышних! Многоречивые друзья мои! К Богу слезит око мое» (Иов. 16: 19–20).

«Заступись, поручись [Сам] за меня пред Собою! иначе кто поручится за меня?» (Иов. 17: 3).

Вилдад: «когда же положите вы конец таким речам? обдумайте, и потом будем говорить. Зачем считаться нам за животных и быть униженными в собственных глазах ваших? [О ты], раздирающий душу твою в гневе твоём! Неужели для тебя опустеть земле, и скале сдвинуться с места своего?» (Иов. 18: 2–4) (по-славянски это место звучит не менее резко: «Что бо аще ты умреш, не населенна ли будет поднебесная?»).

Иов: «доколе будете мучить душу мою и терзать меня речами? Вот, уже раз десять вы срамили меня и не стыдитесь теснить меня» (Иов. 19: 2, 3).

«Помилуйте меня, помилуйте меня вы, друзья мои, ибо рука Божия коснулась меня. Зачем и вы преследуете меня, как Бог, и плотью моею не можете насытиться? О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге резцом железным с оловом, – на вечное время на камне вырезаны были! А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Истаевает сердце мое в груди моей! Вам надлежало бы сказать: зачем мы преследуем его? Как будто корень зла найден во мне. Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд» (Иов. 19: 21–29).

Софар: «размышления мои побуждают меня отвечать, и я спешаю выразить их» (Иов. 20: 2).

«Разве не знаешь ты, что от века, – с того времени, как поставлен человек на земле, – веселье беззаконных кратковременно, и радость лицемера мгновенна? Хотя бы возросло до небес величие его, и голова его касалась облаков, – как помет его, навеки пропадает он; видевшие его скажут: где он?» (Иов. 20: 4–7).

Иов: «выслушайте внимательно речь мою, и это будет мне утешением от вас» (Иов. 21: 2).

«Часто ли угасает светильник у беззаконных, и находит на них беда, и Он дает им в удел страдания во гневе Своем? Они должны быть, как соломинка пред ветром и как плева, уносимая вихрем. [Скажешь]: Бог бережет для детей его несчастье его. – Пусть воздаст Он ему самому, чтобы он это знал. Пусть его глаза увидят несчастье его, и пусть он сам пьет от гнева Вседержителя. Ибо какая ему забота до дома своего после него, когда число месяцев его кончится? Но Бога ли учить мудрости, когда Он судит и горних?» (Иов. 21: 17–22).

3-й цикл

Елифаз: «разве может человек доставлять пользу Богу? Разумный доставляет пользу себе самому. Что за удовольствие Вседержителю, что ты праведен? И будет ли Ему выгода от того, что ты содержишь пути твои в непорочности? Неужели Он, боясь тебя, вступит с тобою в состязание, пойдет судиться с тобою?» (Иов. 22: 2–4).

«Верно, злоба твоя велика, и беззакония твоим нет конца. Верно, ты брал залогом от братьев твоих ни за что и с полунагих снимал одежду. Утомленному жаждою не подавал воды напиться и голодному отказывал в хлебе; а человеку сильному ты [давал] землю, и сановитый сел на ней. Вдов ты отсылал ни с чем и сирот оставлял с пустыми руками» (Иов. 22: 5–9).

«Помолишься Ему, и Он услышит тебя, и ты исполнишь обеты твои» (Иов. 22: 27).

Иов – Вилдаду: *«как ты помог бессильному, поддержал мышцу немощного!»* (Иов. 26: 2) (Интересный вариант чтения видим в славянском тексте: *«Кому хоцещи помогати, не Сему ли, Егоже многа крепость?»*)

«Он распростер север над пустотою, повесил землю ни на чем» (Иов. 26: 7).

20.3. Речь Елиуя

После прекращения диалога Иова с друзьями вдруг появляется еще один собеседник – юноша по имени Елиуй, сын Варахиилов. Его предыдущее молчание (и как бы отсутствие) объясняется в книге тем, что он слушал тех, кто старше его летами (Иов. 32: 4).

Однако когда друзья Иова умолкли, он обвиняет их в неспособности справиться с Иовом (Иов. 32: 6–19), а его самого – в гордости, самомнении, которые его довели до таких несчастий. Елиуй говорит, что все наказания и несчастья, которые случаются с нами, Господь посылает, во-первых, для предупреждения каких-то преступлений, для предохранения человека от впадения в грехи. Во-вторых, для того, чтобы очистить душу праведника. Для Елиуя тоже очевидно, что наказание бедствиями есть свидетельство какой-то нечистоты в человеке, которую должно очистить. Более того, Елиуй повторяет мысль Елифаза о том, что и собственно праведность или нечестие людей в общем-то к Богу большого отношения не имеют. Богу нет дела до того, праведный человек или неправедный: *«Если ты грешишь, что делаешь ты Ему? и если преступления твои умножаются, что причиняешь ты Ему? Если ты праведен, что даешь Ему? или что получает Он от руки твоей? Нечестие твое относится к человеку, как ты, и праведность твоя к сыну человеческому»* (Иов. 35: 6–8). Человек сам пожинает плоды своих дел: если он грешник, то сам разрушает свою жизнь, если он праведник, то пожинает плоды своего благочестия; слишком мелко для Бога переживать из-за каждого человека.

И в заключение Елиуй говорит, что и Иова Бог готов был бы спасти, если бы только он сам себя не оправдывал и не вопиял о своей праведности, ибо в таком случае он сам себя лишает возможности получения спасения.

Истина Елиуя – теоретическая [см. 28, с. 9]. Она мало подходит к данной конкретной ситуации, Иов страдает не потому, что Господь его хочет предупредить от какого-то греха. Речь этого персонажа интерпретируется различно. Например, святитель Иоанн Златоуст считает Елиуя просто безбожником и говорит, что и друзья Иова тоже поняли это, поэтому никто ему не отвечает: *«И еще в пятый раз начинает говорить Елиуй, и ни Иов, ни трое друзей не слушают его, как безбожника, из чего открывается, что эти трое образумились»* [29, т. 6, с. 670]. Другие толкователи полагают, что он, наоборот, более осмысленно говорил к Иову, поскольку он не настаивал на том, что страдание есть только наказание за грех, но развивал мысль об очистительном действии страдания [см. 69, т. 4, с. 17]. И поэтому, когда в конце Бог осуждает трех друзей Иова, то про Елиуя Он ничего не говорит.

Наличие этого обстоятельства (как и того, что Елиуй не заявлен в самом начале книги) позволяет современной критике утверждать, что речь Елиуя (Иов. 32–37) – это поздняя вставка [см. 91, ч. 2, 207]. Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, заметим, что даже если допустить справедливость этой идеи, то она ничуть не умаляет значения этого текста, поскольку дает полноту аргументам друзей Иова; больше добавить уже нечего.

20.4. Ответ Бога Иову

На речь Елиуя ответа нет. Но происходит нечто существенно более важное: из бури раздается голос Божий, который обращается к Иову. В четырех последних главах, с 38-й по 42-ю, содержится пространная речь Господа, которая прерывается краткими репликами Иова. Первая часть ее исполнена риторическими вопросами, на которые Бог не требует ответа, отвечая Сам: *«где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь»*.

Кто положил меру ей, если знаешь?» (Иов. 38: 4–5). Он показывает, что величие творения и величие Его превосходят всякую меру знания и понимания Иова. Но в первой речи обозрение творений Божиих ограничивается двумя уровнями: неживой природой и природой живой на уровне растений и животных.

Иов в ответ на эти слова признает неверность своих суждений о действиях Бога (Иов. 39: 34–35). В полемике с друзьями Иов доказывал, что они теоретизируют хорошо, но сам он много раз видел, как праведники бедствуют, а грешники благоденствуют (Иов. 21: 7–25). Он говорил: спросите у путешественников, и они вам скажут, что они видели множество незаконных людей, которые пребывают у власти и угнетают праведников, и даже заявил, что Бог не наказывает грешников и позволяет им и детям их благоденствовать. Кажется, в пылу спора он погорячился, а главное недопустимо сузил круг примеров. Мироздание не ограничивается человеком, и неустроенность его жизни не стоит обобщать на всю вселенную. И Иов отрекается от своих слов и говорит: *«вот, я ничтожен; что буду я отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои. Однажды я говорил, – теперь отвечать не буду, даже дважды, но более не буду»* (Иов. 39: 34–35).

Затем следует еще одна речь Бога, в которой Он говорит Иову о двух тварях: бегемоте и левиафане (Иов. 40–41). Описав их, Господь предлагает Иову сразиться с ними, спрашивая, есть ли у него достаточно силы и искусства для того, чтобы победить. На что Иов отвечает так: *«знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено. Кто сей, омрачающий Провидение, ничего не разумея? – Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. Выслушай, взывал я, и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле»* (Иов. 42: 2–6). После чего Господь говорит Иову о том, что он оправдан, и о том, чтобы он принес жертву во искупление греха друзей своих, которые не так верно говорили о Нем (Иов. 42: 7). После молитвы Иова о друзьях Бог возвращает ему утраченное. Исчезает проказа, он получает вдвое больше скота и всяких богатств по сравнению с тем, сколько он имел прежде, но такое же количество детей, сколько было вначале (Иов. 42: 12–15). Сразу отметим, что Иов утешился сразу, как только Бог ему ответил, еще до того как получил «материальную компенсацию».

20.5. Смысл страданий Иова

Нет сомнения в том, что долготерпение Иова являет для нас великий образец для подражания. Об этом говорит св. апостол Иаков (Иак. 5: 11) и святые отцы (см., напр., 29, т. 12, с. 1005–1007). Но тем не менее мы пока не получили ответ на то, что же это за ситуация, когда двое спорят, а третий страдает. Пока не совсем понятно, в чем же неправы друзья, которые говорят о том, что грешник несет наказание, а праведник благоденствует, в чем, собственно, прав, и прав ли Иов, который обвинял Бога в том, что Тот позволяет благоденствовать грешникам, а праведникам безвинно страдать. Более того, не совсем понятно даже, что же это за ответ такой? Кажется, что Бог является Иову, никак на его вопросы не отвечает, а просто демонстрирует Свою мощь. Иов видит эту мощь, понимает, что деваться ему некуда, кается, смиряется. И наступает такой странный и неподготовленный счастливый конец.

Давайте попробуем разобраться. Чтобы решить, с чего начать, посмотрим богослужебные тексты. В качестве основы для анализа возьмем стихирю из службы Иову Многострадальному: **«Многострадального, вернии, восхвалим Иова, иже прежде закона праведника, и прежде пророков пророка, вне рода и завета Авраамова веру Авраамлю добре сохраняшаго, страданьми своими страсти Христовы предъизобразившаго, и ныне в вышних селениях со Христом царствующаго и молящагося о душах наших»** [Служба Иову Многострадальному. Стихира на литии // Минея, 6 мая]. Воспользуемся этой стихирой в качестве ключа.

В том, что Иов – праведник, сомнений не возникает. Далее Иов назван пророком, тем, кому и через кого открывается воля Божия. Перед разрушением Содома Господь говорит: *«утаю ли Я от Авраама, что хочу делать!»* (Быт. 18: 17). *«Ибо Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам»* (Ам. 3: 7). Иов – истинный раб Божий, *«который взывал к Богу, и которому Он отвечал»* (Иов. 12: 4), и вдруг он видит, что Бог делает что-то такое, что Иову совершенно непонятно. Иов готов, в конце концов, принять страдания, но он просит, чтобы ему Бог объяснил, почему так, какой в этом смысл? Именно это, а не нищета и проказа является для него главным и самым страшным источником страдания.

В своих речах Иов все время переходит от полемики с друзьями к горячей мольбе, обращенной к Богу. *«Разве к человеку речь моя? как же мне и не малодушествовать?»* (Иов. 21: 4). Не так это у его оппонентов.

Посмотрим на их речи. Бог у них представляется как Всемогущий и как Справедливый, не более того. Причем мы нигде не найдем личного обращения к Богу – они всегда говорят о Боге в третьем лице: «Он». Милосердие Божие, очевидное для Иова, для них почти ничего не значит. В отличие от Иова, Бог для его друзей есть только трансцендентная реальность, абсолют, который делает что хочет, когда хочет, и для человека его пути совершенно непознаваемы.

В рассуждениях друзей Бог выступает фактически неким механизмом, который осуществляет справедливость, невзирая ни на лица, ни на что. Согрешил – будешь наказан, сделал доброе дело – будешь благословен. Никаких личных мотивов у Бога нет. Бог совершенно непознаваем, но действует по определенным законам. И друзья Иова даже готовы признать, что Он вообще выше понятий добра и зла: *«что Богу пользы от твоей праведности?»*

Исходя из этих представлений, их рассуждения выглядят довольно резонно. Они как бы говорят Иову: *«Ну зачем ты воюешь с ветряной мельницей? Зачем тебе судиться с Богом? Зачем тебе познавать Его действия? Вот есть такие правила, подчинись им, тебе будет хорошо, и живи как хочешь. Бог сам по себе, ты сам по себе, всем хорошо. Бог лучше тебя знает, как и что делать. От твоих протестов ничего в мире не переменится, но тебе будет только хуже».* Они предлагают Иову добровольно принять сложившуюся ситуацию.

Более того, фактически они предлагают Иову с Богом никаких особенно близких отношений не иметь. То есть вера и религия друзей – это религия внешнего авторитета, она для падшего человека очень удобна, потому что она не накладывает на него никакой личной ответственности [см. 42, с. 128]. Вот есть такие правила, я по ним живу, и все. Я все, что положено от меня Богу, сделал, и Бог тоже, что мне положено, мне в ответ дает. Мы квиты. Никакой любви тут не требуется, никакого дерзновения, никакой дружбы с Богом. Такое вот автоматическое благочестие.

Однако Иов – пророк. Он знает Бога и не может принять тот ложный образ, который предлагают ему друзья. Именно его он хулит, а вовсе не Бога, как может показаться сначала. Иов не понимает, что произошло, но он не хочет отступить от отношений доверия и близости, существовавших прежде. И это – подвиг веры. В одной проповеди архимандрита Тавриона (Батозского) есть такие слова: *«Почему у людей бывает неверие? А потому, что они своего бога выдумывают. Никто своим умом не измеряй Бога!»* [13, с. 198].

По слову святителя Василия Великого, принятие ложного образа есть идолопоклонство: *«...ибо идол есть также и всякое напечатлеваемое в душе представление понимаемого ложно – о Боге ли то, или о чем-нибудь познаваемом. И доколе не уразумеваются действия или явления истины, доколе каждый чтит собственные свои кумиры. <...> Почему и те, которые имеют в себе ложные понятия о Боге, идолотворя в себе какое-то мысленное идолослужение, несуществующее почитают существующим, и они делаются повинными клятве: проклят, кто сделает изваянный*

или литый кумир, мерзость пред Господом, произведение рук художника, и поставит его в тайном месте! (Втор. 27: 15)» [12, ч. 2, с. 104–105].

Таким образом, «Иов восстает против лживого подобия истинного Бога, против искажения Его царственности, преломленной в господстве князя мира сего, против этой глумливой карикатуры: праведный отказывался признать в ней Лицо Того Господа, Которого жаждал увидеть» [47, с. 589–590].

Подтвердить эту мысль можно следующим способом. В истории Иова можно увидеть параллель искушениям Христа в пустыне [ср. 42, с. 109–114].

Первое искушение было самое грубое – когда у Иова отнято все имущество. Он благословил Бога, несмотря на потерю материальных благ.

Второе искушение заключается не в потере здоровья, но в словах жены, предлагавшей похулить Бога, искусить Его, действительно ли Иов Ему дорог? «И здесь напоследок [диавол] приводит к праведнику жену, как сильнейшее из предпринятых средств... Чтобы яснее видеть осадное орудие, подведенное к этой несокрушимой стене, выслушаем самые слова» [29, т. 12, кн. 3, с. 1034, 1038]. Но Иов отказывается искушать Творца.

Если продолжать сопоставление, то в третьем искушении Иову должно быть предложено поклониться диаволу, признать его власть и тем обрести благополучие. Но именно это и предлагают друзья. Ведь страдания Иова – дело рук сатаны. Следовательно, признать справедливость происходящего – это значит признать его власть, поклониться ему. Так же как сатана предлагал во время искушений Спасителю. Прозревая это, Иов говорит Елифазу: «*Будет ли конец ветреным словам? и что побудило тебя так отвечать?*» (Иов. 16: 3). Вилдаду: «*Кому ты говорил эти слова, и чей дух исходил из тебя?*» (Иов. 26: 4).

После искушений Христа в пустыне говорится, что отошел от Него сатана до времени (Лк. 4: 13). И на Голгофе слышится тот же голос искушителя: «*других спасал, а Себя Самого не может спасти. Если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него*» (Мф. 27: 42), то есть отказ от Креста есть то самое искушение, которое претерпевает и Иов тоже, потому что именно это ему предлагают друзья. Мы с вами уже говорили, что нет другого пути в Царствие Божие, кроме Креста, через который идут все праведники и шли все праведники и сейчас, и прежде, еще до того, как этот Крест был воздвигнут на Голгофе, через сострадание Христу. Иов демонстрирует это более чем наглядно.

В речах друзей Иова нас сразу удивляют жесткость и агрессия. Откуда они происходят? По-видимому, Иов, если так можно выразиться, является исключением, не вписывающимся в их стройную и удобную религию. А раз так, то либо воззрения должны быть пересмотрены, либо факт упразднен. В этом смысле друзья Иова также являются предтечами фарисеев, которые на слова: «*Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи*» (Ин. 5: 11), отвечали: «*кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми постель твою и ходи?*» (Ин. 5: 12), а также устроили целое следствие с целью доказать, что Иисус не исцелял слепорожденного: «*воздай славу Богу; мы знаем, что Человек Тот – грешник*» (Ин. 9: 24).

Третий выделенный нами пункт – вера Авраамова. Говоря в свое время об Аврааме, мы выяснили, что его вера была не только всецелым доверием, но и имела вполне определенное содержание. Это была вера в Бога воплотившегося, распятого и воскресшего. Иов соблюл именно «веру Авраама». В его речах мы видим несколько выражений, которые могут нам это подтвердить. «*Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на обоих нас*» (Иов. 9: 33). «*И ныне вот на небесах Свидетель мой, и Заступник мой в вышних!*» (Иов. 16: 19); «*Заступись, поручись Сам за меня пред Собою!*» (Иов. 17: 3). И затем в 19-й главе: «*А я знаю, Искушитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его*» (Иов. 19: 25–

27). Он восходит от идеи посредника к необходимости искупителя [см. 28, с. 7]. Святитель Иоанн Златоуст делает из приведенных слов Иова вывод: «Следовательно, он знал, мне думается, о воскресении тела, если не скажет кто-нибудь, что воскресение есть освобождение от угнетавших его бедствий» [29, т. 12, кн. 3, с. 1068].

Забегая несколько вперед, в связи с учением о воскресении можно обратить внимание на то, что Бог воздал Иову всего вдвое по сравнению с тем, что у него было, кроме детей. А детей ему дал столько же, сколько было, что, несомненно, тоже говорит о том, что Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых, поскольку дети Иова хотя и погибли, но в воскресении мертвых Иов получит их всех: и тех, что были, и тех, что были ему снова даны. Так объясняет эту подробность святитель Иоанн Златоуст.

Были ли речи Иова с самого начала безупречны? Судя по ответу Бога – нет. Почему? Иов, как вы помните, говорит: я принимал от Бога всякое благо, неужели зло от Него я не приму? То есть Иов не видит и не знает о намерениях и действиях сатаны. Как не видят и не знают о них его друзья. Тезис друзей о благополучном устройении мира Иов оспаривает, хотя и оспаривает его тоже с чисто человеческих позиций, поэтому его аргументация и не заслуживает одобрения. Бог не отвечает на вопросы Иову потому, что эти вопросы поставлены в такой безысходной, чисто человеческой перспективе, в которой они и не могут быть разрешены. Бог зла не творил, Бог смерти не творил, это происходит по некоторой другой причине, и как раз эта причина открывается Иову в обращенной к нему речи Бога.

Вспомним ту часть речи Господа, в которой Он говорит Иову о бегемоте и левиафане. Иногда в современных толкованиях приводится рассуждение о том, что это просто два страшных зверя, с которыми человек не может справиться, а если так, то как же он пытается противостать Богу?

Но здесь есть несколько странностей. Первая из них заключается в том, что о мире живой природы было сказано уже в первой речи и возвращение к нему должно подразумевать какую-то особую причину.

Во-вторых, здесь говорится: *«это верх путей Божиих, только Сотворивший его может приблизить к нему меч Свой»* (Иов. 40: 14). Никогда и нигде мы в Писании не встречаем того, что бегемот есть верх путей Божиих, самое совершенное творение. Затем говорится: *«Можешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его? вденешь ли кольцо в ноздри его? проколешь ли иглою челюсть его? будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? сделает ли он договор с тобою, и возьмешь ли его навсегда себе в рабы? станешь ли забавляться им, как птичкою, и свяжешь ли его для девочек твоих? <...> Клади на него руку твою, и помни о борьбе: вперед не будешь. Надежда тщетна: не упадешь ли от одного взгляда его?»* (Иов. 40: 20–24, 27; 41: 1). Если левиафан – это просто крокодил, то надо заметить, что на крокодила довольно успешно охотятся и охотились, и от одного взгляда его не падают. Дальше: *«нет столь отважного, который осмелился бы потревожить его; кто же может устоять перед Моим лицом? <...> Не умолчу о членах его, о силе и красивой соразмерности их. <...> От его чихания показывается свет; глаза у него как ресницы зари; из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры <...>. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя. На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас. <...> Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов. Когда он поднимается, силачи в страхе, совсем теряются от ужаса. Меч, коснувшийся его, не устоит <...>. Он кипит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою. Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; **на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости»** (Иов. 41: 2–26). Слишком громко сказано для бегемота и крокодила.*

Следует предположить, что, показав Иову разумность и прекрасную устроенность всего творения на примере неодушевленного материального мира и мира животных (хотя

это уже мир после грехопадения, после проклятия, и тем не менее он продолжает носить отблеск эдемской красоты), Господь показывает ему еще и другую область мироздания. Ту, где обитают свободно-разумные существа. И показывает собственно источник зла. О левиафане можно найти в Писании еще другие слова, например у пророка Исаии: «*В тот день поразит Господь мечом Своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана, змея, прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское*» (Ис. 27: 1). То есть левиафан есть «*великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную*» (Откр. 12: 9), некогда искусивший человека и приведший его к гибели.

Святой Андрей, архиепископ Кесарийский, в толковании на это место Апокалипсиса говорит: «У блаженного Иустина философа и мученика сказано, что по пришествии Христовом и осуждении в геенну стал он еще большим хулителем, хотя и ранее хулил Бога, но не так бесстыдно. Посему истинно о нем говорится, что по упорству воли “*сердце его ожесте, аки камень*” (Иов. 41: 16)» [2, с. 96].

В словах: «*Сие есть начало создания Господня: сотворен поруган быти Ангелы Его*» (Иов. 40: 14), – святитель Василий Великий также видит указание именно на диавола [см. 12, ч. 2, с. 116].

И здесь оказывается, что закон смертного существования, против которого ополчается человек, по-своему благ. Он вносит определенный порядок в те новые условия жизни мира, которые появились после грехопадения. «*Тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее*» (Рим. 8: 20). Сам сатана против воли участвует в деле спасения человека [см. 47, с. 590–591]. Но это только до времени. Сам человек пока бессилён спастись. Показав Иову, откуда происходит страдание, Господь открывает ему, что, для того чтобы это страдание победить, мало, что называется, поубивать всех плохих и оставить только всех хороших. Должна быть одержана победа над диаволом, и эту победу одержит только Он Сам на Кресте.

Святитель Иоанн Златоуст говорит об ответе Бога Иову так: «Явившийся затем Господь оправдывает Иова и, научая тайне Христовой, говорит к Иову: *Кто сей, скрывающий от Мене совет, содержи же глаголы в сердце?* (Иов. 38: 2)» [29, т. 6, кн. 2, с. 670].

Я уже приводил вам слова, которыми Иов отреагировал на вторую речь Бога: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов. 42: 5–6). Что он увидел? Как и в случае Авраама, в опыте страдания Иов сделался соучастником тайны Христовой. И это было для него гораздо большей наградой, чем возвратившееся материальное благополучие. Он с ликованием и смирением отрекается, потому что все его выступления оказываются безумием перед лицом Креста Христова.

Весьма характерно в этом отношении и то, что в праздник Рождества Христова и Пасхи (точнее, в Великую Субботу) мы начинаем чтение паремий с первой главы книги Бытия, с повествования о сотворении мира, которым открывается и речь Господа к Иову.

И, наконец, третье объяснение смысла страданий Иова, которое дает нам взятая в качестве ключа стихира. Иов в себе самом пророчески изобразил страдания Спасителя. История Иова устроена совсем неслучайным образом. Продолжая сопоставление с Авраамом, вспомним, что жертвоприношение, в котором он познал тайну Христову, было прообразом крестных страданий Спасителя. Прообраз со всей очевидностью можно увидеть и в случае Иова [см. 7, с. 60–61]. Праведный Иов, как и Христос, страдал безвинно, не за свои грехи. В страшной болезни Иов был оставлен всеми, даже друзья пренебрегали им, считая грешником, как и Христос во время крестных страданий был оставлен учениками и поносим врагами. Самое тяжкое в страданиях Иова – богооставленность. Вопль богооставленности вырвался на Кресте и из уст Спасителя. После своих страданий Иов как бы воскрес и вознесен Богом выше прежнего своего состояния. Иов являет нам прообраз служения Великого Первосвященника Христа,

потому что он приносит ходатайственную жертву о прощении своих согрешивших друзей.

«Разинули на меня пасть свою; ругаясь, бьют меня по щекам; все сговорились против меня. Предал меня Бог беззаконнику и в руки нечестивым бросил меня», — говорит Иов (Иов. 16: 10–11). Это место может быть понято как пророчество, поскольку буквально таких обстоятельств в книге не описано [см. 28, с. 6].

«Так презрен по мыслям сидящего в покое факел, приготовленный для спотыкающихся ногами» (Иов. 12: 5), — говорит о себе праведный Иов. Эти слова могли бы стать эпиграфом всей книги, поскольку его история является ключом к уразумению тайны страдания. *«Вот, мы ублажаем тех, которые терпели. Вы слышали о терпении Иова и видели конец [оного] от Господа, ибо Господь весьма милосерд и сострадателен»* (Иак. 5: 11). Святой Андрей Кесарийский говорит: *«Они победили его Кровию Агнца и словом свидетельства своего...»* (Откр. 12: 11). *«Обвиняемые, говорит, святые и им [дьяволом] оклеветаемые, подобно Иову, пред всеми людьми, в Него верующими и ему покоряющимися, победили его страданиями за Христа»* [2, с. 97].

20.6. Богослужбное употребление книги

В день памяти святого Иова Многострадального читаются паремии из 1-й и 2-й главы.

Читается Книга Иова также и на Страстной Седмнице, с понедельника по пятницу. В понедельник, вторник, среду на вечерне читаются 1–2-я главы (те же самые паремии, которые читаются в день его памяти). В Великий Четверг читается 38-я глава — начало ответа Бога Иову, а в Великий Пяток — самый конец, о благословении последних дней Иова (Иов. 42: 12–17). Несомненно, здесь также выстраивается связь со страданиями Христовыми.

Глава 21. Псалтирь

Псалтирь, с одной стороны, изучать проще других книг, потому что она у нас все время на слуху и это наиболее читаемая книга из всего Ветхого Завета, неслучайно она даже нередко издается вместе с Новым Заветом. Впрочем, наше знание Псалтири часто оставляет желать лучшего. Например, святитель Геннадий Константинопольский не рукополагал никого в пресвитеры, если тот не знал всю Псалтирь наизусть, считая, что человек еще не готов к служению. И в Лествице тоже мы видим, что когда игумен не стал поднимать эконома после земного поклона, тот простоял несколько часов и за это время по памяти вычитал про себя всю Псалтирь. С другой стороны, по многообразию своего содержания и по известной своей неупорядоченности, она, конечно, представляет трудность именно для систематического изучения в рамках краткого курса.

В еврейской Библии Псалтирь называется «Техиллим», или «Сефер Техиллим», то есть «Хваление», или «Книга Хвалений». По-гречески: «Псалтирион» (дергать, натягивать тетиву, бряцать по струнам, играть). Это название древнего струнного инструмента.

После Книги пророка Исаии Псалтирь является второй по частоте цитирования в Новом Завете.

По слову святителя Филарета Московского, Псалтирь «вместе с учением благочестия содержит также указания на историю оного и многие пророчества о Христе Спасителе. Она есть превосходное руководство к молитве и прославлению Бога и потому непрестанно употребляется в церковном богослужении» [84, с. 16].

Наибольшее количество псалмов написаны Давидом. Из них 73 имеют в еврейском тексте непосредственное надписание авторства. Еще пятнадцать имеют такое же надписание в греческой и славянской Библии. Кроме Давидовых в Псалтирь вошли псалмы: Моисея — один (89), Соломона — два (71 и 126), Асафа-прозорливца и его

потомков – двенадцать; Емана – один (87), Ефама – один (88), сынов Кореевых – одиннадцать, Аггея и Захарии – два (137 и 138). Во Второй книге Паралипоменон говорится, что во времена Езекии славили Бога «словами Давида и Асафа прозорливца» (2 Пар. 29: 30).

Для лучшего уразумения мы будем прибегать к русскому переводу Псалтири. Однако синодальный перевод, в силу ощутимых расхождений с церковнославянским, для этой цели не слишком удобен. Гораздо более удачным опытом такого перевода следует признать «Перевод Псалтири на русский язык с греческого текста LXX» под редакцией профессора Юнгера [93]. Этот перевод ценен тем, что выполнен с учетом святоотеческого толкования, а не только лексики и грамматики. На основании этого труда еще более удачный перевод, в котором русский текст фонетически сближен со славянским, выполнен Е. Н. и И. Н. Бируковыми [60].

21.1. Святые отцы о Псалтири

Многие святые отцы отзывались о Псалтири в превосходной степени, называя ее Писанием в миниатюре. Псалтирь, по словам святителя Василия Великого, содержит в себе все полезное, что содержится в Писании [см. 12, ч. 1, с. 177]. О самом названии книги тот же святитель говорил: «Все, как бы в великой и общей сокровищнице, собрано в книге Псалмов, которые из многих музыкальных орудий Пророк приспособил к так называемому псалтирю, давая тем, как кажется мне, разуметь, что в нем издает гласы благодать, подаваемая свыше – от Духа; потому что в этом одном из музыкальных орудий причина звуков находится вверху. В цитре и в литавре внизу звучит медь под смычком; а псалтирь причины гармонических ладов имеет вверху, чтобы и мы заботились искать горнего и приятностию пения не увлекались в плотские страсти. Притом пророческое слово, как думаю, глубокомысленно и премудро самым устройством сего орудия показало нам, что люди с прекрасною и благонастроенною душою удобно могут восходить к горнему» [12, ч. 1, с. 180]. Псалтирь, по его мнению, превосходит и духовые инструменты, поскольку, когда трубишь в трубу или играешь на свирели, невозможно говорить слово и прославлять Творца.

По мнению святителя Афанасия Великого, «в этой книге измерены и описаны словом вся жизнь человеческая, и душевные расположения, и движения помыслов, и сверх изображенного в ней ничего более не отыщется в человеке» [5, т. 4, с. 32].

Подводя итог святоотеческому учению о Псалтири, проф. П. А. Юнгеров отмечает, что «богословие святых псалмопевцев представляет ту особенность, что оно носит не столько рассудочный, сколько сердечный характер. Псалмопевцы своим богопросвещенным сердцем переживали и перечувствовали вероучительные истины ветхозаветного богословия» [92, с. 10] и раскрыли их «с точки зрения каждого верующего человека» [92, с. 11].

21.2. Разделение Псалтири

В начале надо сказать о нумерации псалмов.

При работе с современными изданиями Библии следует иметь в виду, что нумерация псалмов в Септуагинте отличается от Масоретского текста. Это происходит из-за того, что иногда два псалма, разделенные в еврейском тексте, сливаются вместе в греческом, и наоборот. Так, например, 9-й псалом Септуагинты разделяется на 9-й и 10-й в еврейской Библии, а 114-й и 115-й объединяются в один, 116-й. Эти расхождения нужно учитывать при работе с западными изданиями Библии, поскольку они в своей нумерации псалмов следуют еврейскому тексту.

На первый взгляд Псалтирь может показаться книгой, не имеющей никакой системы и смысла в порядке расположения псалмов. Однако это не так. Святитель Филарет Московский делает по этому поводу следующее замечание: «Вид случайного соединения частей служит покровом тайны не только для Псалтири в целом ее составе, но также и для

духа некоторых псалмов в особенности. Но «*несть бо нестроения Бог*» (1 Кор. 14: 33), и хаос не может быть совершенством Его творения. Посему беспорядок столь же недостоин творений Святого Духа, как и рабское художество словесное. Итак, в изыскании духа того или иного псалма, если оно и безуспешно, безопаснее признавать свое неведение и потребность дальнейшего исследования, нежели смещение частей или недостаток единства» [85, кн. 1, с. 20].

Новозаветная Церковь для удобства богослужебного употребления Псалтири разделила ее на 20 кафизм. Но существует и другое деление. С ветхозаветных времен в Псалтири выделяли пять частей, каждая из которых имеет литургическое окончание:

после 40-го псалма: «*Благословен Господь Бог Израилев во веки! Да будет так, да будет*» (в привычном нам славянском тексте звучит: «Буди, буди») – редкий случай, когда переведено еврейское слово «аминь»;

после 71-го псалма: «*Благословен Господь Бог Израилев, Единый творящий чудеса, и благословенно славное Имя Его во веки, и наполнится славою Его вся земля! Да будет, да будет так*»;

после 88-го псалма: «*Благословен Господь во веки, да будет, да будет так*».

Благословение после 105-го псалма позволяет нам лучше понять смысл этого «аминь, аминь». Здесь говорится так: «*Благословен Господь Бог Израилев во все века! И скажет весь народ: Да будет так, да будет!*» То есть «аминь» – это общий ответ молящихся на возглас благословения. Так же как это у нас в богослужении до сих пор и делается.

Вполне возможно, что указанные 5 разделов показывают нам этапы формирования Псалтири как сборника, который постепенно увеличивался в объеме. На это может указывать, например, 20-й стих 71-го псалма (иногда он фигурирует как надписание 72-го): «*Оскудеша песни Давида, сына Иессеева*» (Пс. 71: 20), то есть закончились песни Давида. Однако и дальше в Псалтири встречаются псалмы с надписанием «*псалом (песнь) Давида*», что, очевидно, указывает на то, что в определенный момент собрание псалмов ограничивалось 71-м, а впоследствии было расширено.

Однако такое деление включает в себе и духовный смысл. Богодуховность Священного Писания проявляется не только в содержании каждого конкретного стиха, но и в структуре каждой книги. Согласно святителю Григорию Нисскому, в пяти разделах Псалтири представлены пять степеней духовного восхождения, по которым, начиная с отвращения от пути нечестивых, душа, через созерцание различных благ и приобретение добродетелей, возводится к «полноте и главизне человеческого спасения» [17, с. 28]. От слов: «*Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых*» (Пс. 1: 1) в начале, то есть от самой нижней ступеньки, с которой начинается восхождение, до «*Хвалите Бога во святых Его, хвалите Его во утвержении силы Его <...>. Всякое дыхание да хвалит Господа*» (Пс. 150: 1, 6) в конце, изображающего ликование преображенной твари.

21.3. Надписание псалмов

У многих псалмов есть надписания, нечто вроде заголовков, которые тоже требуют истолкования. Некоторые надписания указывают на авторство. Об этом уже шла речь выше. Отдельная группа надписаний содержит указания на обстоятельства, в связи с которыми псалмы были написаны (псалмы 3, 17, 55, 56). Кроме того, встречаются такие, которые указывают на характер псалма:

«Аллилуия» – «Хвалите Бога» (псалмы 105, 106, 113–118, 134, 145–150);

«Разума» или «в научение» (псалмы 31, 44, 51, 52, 73, 77);

«Хвала», «молитва» (псалмы 16, 85, 89, 101).

Еще одна группа указывает на время или на способ исполнения. Например, надписания «песнь» (например, псалмы 38, 53, 54, 60), «псалом песни» (псалмы 29, 47, 64) и «песнь псалма» (псалмы 65, 82, 87) указывают на инструментальное или вокальное исполнение [см. 69, т. 4, с. 131]. Некоторые слова, переведенные в синодальном переводе

как «на струнных орудиях» (псалом 4, 53) или «на Гефском орудии» (псалмы 8, 80, 83), могли обозначать вид музыкального инструмента для аккомпанемента.

Но мы не должны останавливаться только на возможном буквально-прагматическом значении надписаний. Если вы откроете святоотеческие толкования, то увидите, что здесь может быть раскрыт и духовный смысл.

Приведу лишь некоторые примеры:

«*в конце*» (псалмы 4, 6, 8 и др.) – «означает, что предсказываемое пророчеством исполнится после в отдаленные времена» [72, с. 23, ср. 5, с. 56];

«*наследствующий*» (Пс. 5: 1), есть боголюбивая душа или Церковь» [5, с. 56; ср. 72, с. 26];

«*возлюбленным*» (Пс. 44: 1) пророк называет Сына Божия» [72, с. 154; ср. 5, с. 150];

«*точила*» (Пс. 8: 1) «суть Церкви, собирающие плоды преуспевающих в благочестии» [5, с. 56], «потому что и Господь именуется виноградною лозою» [72, с. 35].

21.4. Виды псалмов

Для удобства изучения псалмы разделяются иногда на три группы по преимущественному содержанию, по которому они и называются. Есть псалмы молитвенные (псалмы 85, 89, 107). Есть псалмы учительные (псалмы 31, 73, 77), к которым, как правило, принадлежат те, в которых в надписании стоит слово «учение» или «в научение». Есть псалмы хвалебно-благодарственные (псалмы 145, 146). К ним относятся, в частности, все, которые в надписании содержат слово «песнь», «аллилуия», «хвала», «во исповедание».

Молитвенные псалмы иногда называют по-другому: жалобы или плач. Но плач, строго говоря, – это название конкретного специфического жанра: надгробные погребальные песни (напр., 2 Цар. 1: 19–27). По отношению к псалмам такое наименование может быть применено в том случае, когда речь идет уже о каком-то совершившемся необратимом событии: то есть не когда, скажем, враг наступает, утесняет, а когда он уже победил, разрушил, взял в плен, уничтожил. В качестве примера вспомним 136-й псалом «На реках вавилонских» – там уже все совершилось: плен, изгнание. Классический плач – это пророческая Книга Плач Иеремии. Поэтому лучше псалмы такого рода назвать жалобами. Следует заметить, что плач или жалоба может быть коллективным или индивидуальным, в зависимости от того, от имени кого этот псалом произносится.

Обычно псалмы, относящиеся к этой группе, построены примерно по одной и той же общей схеме, хотя могут быть и варианты. Схема эта такова [см. 45, с. 471–472]:

– в начале идет призыв, обращение к Богу, вступительная мольба о помощи;

– затем формулируется конкретная жалоба. Обычно это указание на физическое или нравственное страдание, а часто на то и другое вместе; или только на приближение этого страдания, грозящего человеку;

– затем идет прошение о спасении, об избавлении от страдания, часто это прошение приобретает форму прошения о наказании и истреблении врагов, от которых исходит угроза или которые являются источником этого страдания;

– затем практически всегда идет исповедание веры, часто в форме выражения полного доверия и предания себя в руки Божии, часто это исповедание веры формулируется в виде воспоминания об уже бывших благодеяниях;

– наконец, последним обычно бывает восхваление Бога. Похвала Богу воздается иногда в форме обета, то есть обещания о совершении хвалы, благодарения личного или общественного, о принесении жертв.

В качестве наглядного примера могут быть взяты 12-й или 21-й псалом. 12-й псалом полезно разобрать с точки зрения структуры.

Сначала обращение к Богу с просьбой о помощи: «*Доколе, Господи, забудеши мя до конца; доколе отвращаеши лице Твое от мене*» (Пс. 12: 2). Далее конкретное указание

причины жалобы: Ты, Господи, отвращаешь лицо Твое от меня – это страдание. «Доколе положу советы в души моей, болезни в сердце моем день и ночь; доколе вознесется враг мой на мя» (ст. 3), – вот источник страдания. Прошение об избавлении: «Призри, услыши мя, Господи Боже мой, просвети очи мои, да не когда усну в смерть. Да не когда речет враг мой: укрепился на него. Стужающие ми возрадуются, аще подвижуся» (ст. 4–6). «Аз же на милость Твою уповах», – исповедание веры, предание себя в руки Божии. «Возрадуется сердце мое о спасении Твоем: воспую Господеву благодетельству мне, и пою имени Господа Вышняго» (ст. 7), – славословие, которое приносится в конце; притом что избавления еще не наступило, но тем не менее конец псалма – это славословие, в котором также проявляется вера.

То же самое и в 21-м псалме: «Боже, Боже мой, вонми ми, вскую оставил мя еси» (ст. 1); и дальше – перечисление страданий, а в конце: «и семя мое пороботает Ему: возвестит Господеву род грядущий: и возвестят правду Его людям родшымся, яже сотвори Господь» (ст. 31–32).

Среди молебных псалмов можно выделить особую подгруппу покаянных псалмов. В них тоже содержатся прошения об избавлении от беды и гибели. Но причиной бедствий, страданий в этом случае является собственный грех. Это накладывает на прошения этих псалмов своеобразный отпечаток. Ведь источник скорби – сам человек, поэтому невозможно просить о его устранении. Классический пример покаянных псалмов – это 37-й и 50-й псалмы.

Ради чего можно помиловать грешника? В первую очередь псалмопевцы обращаются к благодати, милосердию, величию и всемогуществу Божию. Затем вспоминаются прежние благодеяния Божии: «Раньше Ты помогал – помоги и сейчас, раньше Ты избавлял – избавь и сейчас».

Человек есть творение Божие, и его гибель – это поругание творческого замысла. В 29-м псалме есть интересный аргумент: «**Что пользы в крови моей, когда я должен истлеть? Ужели прославит Тебя прах? Или будет он возвещать истину Твою?**» (ст. 10). Помимо всего прочего, молящийся говорит о том, что если он погибнет, то одним верующим, возносящим хвалу Богу, будет меньше; это представляется как возможный ущерб для Бога и как побуждение к тому, чтобы человек был помилован. Если он умрет, у него уже не будет возможности исповедовать Бога, как-то исправиться, и одним хорошим человеком будет меньше. Или плохим, но который может исправиться, который этого хочет. И конечно, обещание исправления и обещание благодарственной жертвы, в случае если такая милость будет оказана. Так что при специфике покаянных псалмов общая структура, характерная для молебных псалмов, сохраняется.

О покаянных псалмах проф. Юнгеров замечает: «У других ветхозаветных писателей раскрывается учение о грехе с внешней объективной стороны <...> Но внутреннего душевного состояния грешника касаются только псалмопевцы» [92, с. 19]. Ветхозаветный грешник не знал еще о голгофской примирительной жертве Сына Божия, оставаясь в мучительной безысходности и трепете. Однако, «стоя в свое время лицом к лицу со своими грехами пред бесконечным Божественным правосудием, псалмопевцы в будущем ожидали Голгофского Посредника. Богопросвещенным духом они переносятся к возвещению окончательной победы над грехом страданиями, крестной смертью и воскресением Спасителя» [92, с. 24].

Группа **хвалебно-благодарственных псалмов** может быть также условно разделена на хвалебные и благодарственные. В чем разница? Благодарственные – песнь благодарения – это выражение благодарности в какой-то конкретной сложившейся ситуации, в частности: в случае избавления от врагов, исцеления от болезни, прощения греха, по поводу чего и воспевается благодарственная песнь, которая имеет обычно в общем виде следующую структуру [см. 45, с. 469]:

- вступление, в котором выражается намерение принести хвалу;
- основная часть, где описывается собственно само событие и избавление;

– заключительное славословие.

В качестве примера приведу 29-й псалом. *«Превознесу Тебя, Господи, ибо Ты поднял меня и не возвеселил врагов моих из-за меня»* (ст. 2). *«Превознесу Тебя, Господи»* – намерение совершить хвалу. Далее идет: *«Господи! Ты извел из ада душу мою, удалил меня от нисходящих в могилу... Услышь, Господи и помилуй меня; Господи! Будь мне помощником»* (ст. 4, 11), описание избавления: *«Ты обратил плач мой в радость, разорвал вретнице мое и препоясал меня веселием»* (ст. 12) и славословие: *«Да воспевают Тебя душа моя, да не буду сокрушаться. Господи, Боже мой! Во век буду исповедовать Тебя»* (ст. 12–13).

В стихе: *«Ты же отвернул лице Твое, и я смутился»* (ст. 8) – потеря богообщения воспринимается как одно из самых тяжелых испытаний и несчастий. И благодарит псалмопевец за то, что *«услышал Господь и помиловал меня»*, снова Он услышал его молитву, снова вошел в общение с человеком. Так что хотя благодарственные псалмы воспевались в связи с конкретными жизненными обстоятельствами, они не опускаются до «бытового» уровня, но остаются на высоте богословия.

Хвалебные псалмы восхваляют Бога за Его благодеяния вообще, за Его благодать, не применяясь к каким-то конкретным сиюминутным событиям. Поскольку Первопричина блага одна, то и устроены они так же, как и благодарственные:

введение – призыв хвалить Господа (так как благодеяния Его распространяются на всех),

основная часть – обоснование, на этот раз богословское, завершающее славословие.

Очень яркий пример – это 116-й псалом: *«Славьте Господа, все народы, восхваляйте Его, все люди»* (ст. 1) – призыв к славословию. *«Ибо непреложна милость Его к нам, и истина Господня пребывает вовеки»* (ст. 2). Другой пример – это 112-й псалом: *«Восхваляйте, отроки, Господа восхваляйте имя Господне! Да будет имя Господне благословенного отныне и вовеки!»* (ст. 1–2). И дальше: *«Вознесен над всеми народами Господь; слава Его превыше небес»* (ст. 4) – вот основание для хвалы. *«Кто подобен Господу Богу нашему? Она на высотах живет, и взирает на смиренных на небесах и на земле. Возвышает Он над землей нищего, из грязи поднимает убогого, и посадит его с князьями, с князьями народа Своего»* (ст. 5–8). Обратите внимание, переход очень резкий, то есть сначала: *«От востока до запада да восхвалят имя Господне...»* (ст. 3), *«Кто подобен Господу Богу нашему...»* (ст. 5) – исповедуется Его величие, слава как Творца, как Того, Кто превыше всего мира, и вдруг сразу резкий переход: *«И взирает на смиренных на небесах и на земле. Возвышает Он над землей нищего, из грязи поднимает убогого»* (ст. 6–7). Мгновенное изменение плана, переход от вселенской перспективы к конкретному нищему. Господь, Которого славу не могут вместить небо и земля, озабочен делами какого-то нищего, лежащего на земле. Господь до этого снисходит, что тоже является основанием для славословия Бога в Псалтири. Существует известное несовместимое с христианским воззрением мнение о том, что Бог, конечно, есть, возможно даже, Он и управляет Вселенной (или она живет сама по данным ей законам), однако полагать, что Он занимается каждым отдельным человеком и входит в его проблемы, конечно, странно и нелепо. Библейское откровение утверждает совершенно обратное. И это тоже проявление величия, всемогущества и всеведения Божия. *«И посадит его с князьями, с князьями народа Своего; поселит Он неплодную в доме Своем, как мать, радующуюся о детях своих»* (ст. 8–9), – в последних словах содержится пророчество о призвании в Церковь язычников [см. 72, с. 400].

Здесь уместно привести комментарий П. А. Юнгера: «Миропромышление Божие для псалмопевцев было не внешним фактом, как бы со стороны лишь «наблюдаемым» человеческим разумом, а живую органической силой, без которой мир и человек не могут ни одной секунды жить и зависимость от которой всем миром постоянно чувствуется и доставляет всему радость. Только такая глубокая вера в Промысл Божий была понятна

псалмопевцам, доставляла им радость и возбуждала хвалебные гимны; только при ней возможны ожидаемые псалмопевцами славословия Богу от земли и всего сущего на ней» [92, с. 14].

Еще псалом, который содержит в себе хвалу, – 33-й: «*Благословлю Господа на всякое время...*» На его примере хорошо видно, что рассматриваемое разделение на группы носит условный характер. В одном псалме могут сочетаться разные фрагменты. Первая часть этого псалма до слов «*не лишатся всякого блага...*» – это классический хвалебный гимн. А вот вторая половина, начинающаяся со слов: «*Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас*», – уже не менее выразительный «учительный» текст, где чада призываются научиться премудрости, основанием которой является страх Господень. И это не единственный пример такого рода, который показывает, что духовная жизнь имеет целостный характер, а все наши разделения носят схоластический, то есть школьный характер, полезный только для первоначального научения.

Учительные псалмы содержат в себе размышления по поводу различных жизненных обстоятельств, наставления о мудрой и ответственной жизни в согласии с Законом Божиим. Их характеризуют те же самые признаки, которые отличают учительные книги в целом. Это прямые поучительные наставления, притчи (Пс. 127: 3–4), сравнения, образы, заимствованные из природных явлений. В таких псалмах часто встречается сравнение со словом «лучше» или указание «блаженны». С этого слова начинается первый псалом: «*Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых*». В этом псалме отчетливо видна связь между Псалтирью и другими учительными книгами. «*Но в законе Господнем воля его, и закону Его он будет поучаться день и ночь*» (Пс. 1: 2). Два очень известных псалма – 33-й и 118-й – имеют форму акrostиха, где каждая новая строфа начинается следующей по порядку буквой еврейского алфавита. Относительно 118-го псалма необходимо добавить, что его иногда называют «Псалтирью в миниатюре» из-за очень емкого описания спасительного для человека пути. Этот псалом, или «непорочны», наряду с «полиелейными», является, согласно Типикону, характерным атрибутом воскресной утрени.

В качестве примера для этой группы следует назвать псалмы 1, 31, 33, 48. «*Уста мои изрекут премудрость, и поучение сердца моего – разум. Приклоню к притче ухо мое, открою в псалтири прорицание мое*» (Пс. 48: 4–5) – это типичная лексика учительной литературы. Псалмы 126, 127 тоже имеют выраженный дидактический характер: «*Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишиася зиждущие: аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий*» (Пс. 126: 1). Это поэтический прием, характерный для учительной литературы, называется «библейский параллелизм». «*Блажен тот, чьи желания исполнят они! Не посрамятся они, когда отпор дадут врагам своим у ворот города*» (Пс. 126: 5). «*Блаженны те, что боятся Господа и ходят путями Его!*» (Пс. 127: 1). Все эти псалмы не имеют четкой структуры. Заметим, впрочем, что и среди псалмов остальных групп встречаются такие, которые не вписываются в вышеприведенные схемы.

21.5. Об отношении к врагам – духовное понимание

При чтении псалмов обращают на себя внимание жестокость и непримиримость, с которыми говорится о врагах (см. псалмы 57, 108): с переламыванием костей, со схождением во ад живым и так далее, что конечно же вызывает некоторое смущение у благочестивой христианской души, воспитанной на кротких словах Христа. Святитель Афанасий Великий разрешает это смущение следующим образом: «Поелику Давид был пророк, и отверсты были внутренние очи его, и знал он, что лукавые духи радуются падению человеков, а напротив того, скорбят, когда люди преодолевают их; то, без сомнения, против них вооружаясь мысленно, молился он об исправлении человеков, к лукавым духам применяя сказанное им о врагах видимых. Ибо, если не так будем

объяснять себе намерения пророков, то не только из сказанного ими не получим никакого назидания к стяжанию кротости, но даже приобретем какое-то суровое и противное евангельскому учению расположение, когда будем часто молиться о сокрушении врагов и не любить их; потому что Давид тысячекратно говорит: да постыдятся и посрамятся все враги мои, и я да не постыжусь. Не будем же думать, будто бы пророки и други Божии говорили это в ином, а не в выше сказанном смысле. Ибо такое разумение прилично тщательному исследователю, как скоро находит, что пророк молится о гибели врагов; то есть сказанное о врагах видимых должен он применять к врагам мысленным» [5, с. 39]. Это рассуждение хорошо иллюстрируется повествованием исторических книг, из которых видно, что Давид был снисходителен по отношению к своим личным врагам. И, почитая высшим благом богообщение, он конечно же почитал главными своими врагами тех, кто ему в этом препятствовал.

21.6. Откровение о Христе в псалмах

Отдельно следует сказать о мессианских псалмах. Они не составляют специальной группы, так как прямые пророчества о Христе в них могут содержаться в одном двух стихах.

Если взять Толковую Псалтирь, то можно заметить тенденцию буквально каждый стих так или иначе толковать в мессианском плане, в каждом стихе находить какое-то указание на Христа. Некоторые толкователи, например преподобный Исидор Пелусиот, считали, что нет необходимости совершенно все Писание толковать применительно ко Христу, так как это приводит иногда к довольно натянутым рассуждениям. Мы рассмотрим те пророчества, которые традиционно в святоотеческих толкованиях и церковной гимнографии относят ко Христу. Большинство из них в этом качестве цитируется в книгах Нового Завета.

Псалом 2. Здесь изображено противление иудеев Христу и восстание на Него. Этот псалом цитируется в книге Деяний апостольских: *«вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным; Предсташа царие земстии, и князи собрашася вкупе на Господа и на Христа Его»* (ст. 1–2); *«Возвещай повеление Господне. Господь рече ко мне: Сын Мой еси Ты, Аз днесь родих Тя»* (ст. 7), – о том, что Христос есть Сын Божий и Царь. *«Аз же поставлен есмь царь от него над Сионом, горою святою Его»* (ст. 6), *«Блажени вси надеющиеся нань»* (ст. 12).

Псалом 8, на который ссылается Сам Господь Иисус Христос: *«из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу, враг Твоих ради»* (ст. 3), – те же самые слова говорит Иисус Христос при входе в Иерусалим (Мф. 21: 16).

Псалом 15: *«яко не оставиши душу Мою во аде, ниже даси преподобному Твоему видети истления»* (Пс. 15: 10), – о том, что плоть Христова не увидит тления и что душа Его не останется во аде. Это пророчество было истолковано в проповеди апостола Петра в день Пятидесятницы (см. Деян. 2: 27).

Псалом 21, в котором подробнейшим образом изображается страдание Христа на кресте на Голгофе. С 21-м псалмом по выразительности может быть сравнима только 53-я и сопутствующие ей главы пророка Исаии. То, что этот псалом связан с Голгофой, говорит самый первый стих: *«Боже, Боже мой, вонми ми, вскую оставил мя еси»* (Пс. 21: 2) – это вопль Христа на кресте, а дальше происходящее изображается как бы глазами Самого Страдальца: *«вси видящие Мя поругаша ми ся, глаголаша устнами, покиваша главою: упова на Господа, да избавит Его, да спасет Его, яко хочет Его»* (ст. 8–9). *«Аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей»* (ст. 7); *«отверзоша на Мя уста своя, яко лев восхищай и рыкай. Яко вода излихся; и рассыпашася вся кости Моя: бысть сердце Мое яко воск таяй посреде чрева моего. Изше яко скудель крепость моя, и язык Мой прильпе гортани Моему, и в персть смерти свел Мя еси... Исчетоша вся кости моя: тии же смотриша и презреша Мя. Разделиша ризы Моя себе, и о одежди Моей меташа жребий»* (ст. 14–19), – и описаны спасительные

плоды этого страдания: *«помянутся и обратятся ко Господу вси концы земли, и поклонятся пред Ним вся отечествия язык: яко Господне есть царствие, и Той обладает языки»* (ст. 28–29). В молебных псалмах в конце всегда бывает славословие. Здесь славословие имеет форму пророчества о победе и об избавлении, которое Крестом Господним будет совершено. Выше мы уже неоднократно обсуждали вопрос страдания праведников. Профессор Юнгеров, комментируя откровение 21-го псалма, говорит о том, что мессианские псалмы, особенно повествующие о страданиях Христа, влагали в сердце и уста невинно страдающих праведников «слова и чувствования их “Брата” – Спасителя, искушенного и помогающего искушаемым (Евр. 2: 11–18), понесшаго одинаковыя, и даже тяжчайшие их, страдания от греха и злобы. Так, и в этом учении сретаются и даже сливаются ветхий и новый заветы, пророчества и евангелие, и читатель вместе читает оба писания, находя притом здесь евангелие, как бы о нем писанное и к его собственным личным страданиям приложимое во спасение» [92, с. 25].

Псалом 23: *«возмите врата князи ваша, и возमितесь врата вечная: и внидет Царь славы»* (ст. 9), – эти слова истолковываются святителем Афанасием Великим как пророчество о Вознесении Господнем; также как и 6-й стих 46-го псалма: *«взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне»*, – тоже относят к Вознесению.

Псалом 39: *«жертвы и приношения не восхотел еси, тело же свершил ми еси: всесожжений и о гресе не взыскал еси. Тогда рех: се, прииду: в главизне книжне писано есть о Мне: еже сотворити волю Твою, Боже Мой, восхотех, и закон Твой посреде чрева Моего»* (ст. 7–9), – речь идет о том, что Христос, Который плотию принес Себя в жертву на кресте, смертью Своей упразднил все ветхозаветные жертвы.

Псалом 40, Иуда и синедрион: *«Враги мои говорили обо мне злое: “Когда же он умрет, и погибнет с ним имя его?” И если кто из них навещал меня, неправду говорило сердце его; умножал он беззакония свои; уходил от меня, и совещались они. Обо мне шептались враги мои, на меня замыслили злое. Слова беззаконные говорили обо мне: “Неужели спящий восстанет вновь?” Ибо человек близкий мне, на которого я надеялся, вкушавший хлеб мой, поднял на меня пяту»* (ст. 6–10).

Псалом 44. Первая его половина вся целиком посвящена Христу: *«красен добротою паче сынов человеческих, излился благодать во устнах Твоих: сего ради благослови Тя Бог во век»* (ст. 3) – и так далее: *«Престол Твой, Боже, в век века <...> возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие: сего ради помаза Тя, Боже, Бог Твой елеем радости паче причастник Твоих»* (ст. 7–8). Вторая половина – это часть, посвященная Церкви: *«...предста царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна преиспещрена. Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое»* (ст. 10–11). Следует заметить, что это место толкуется также применительно к Пресвятой Богородице. Именно из него берется прокимен на Богородичные праздники: *«Помяну имя Твое во всяком роде и роде: сего ради людие исповедаются Тебе в век и во век века»* (ст. 18).

Псалом 46, ст. 6 уже упоминался в связи с пророчеством о Вознесении (см. псалом 23): *«Взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне»*.

Псалом 67, ст. 2: *«Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его»*; ст. 19: *«Возшел еси на высоту, пленил еси плен: приял еси даяния в человецех, ибо не покаряющихся, еже вселитися (даже среди непокорных вселишься)»*. Апостол Павел так объясняет эти слова: *«А “восшел” что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все»* (Еф. 4: 9, 10).

Псалом 68, ст. 10: *«ревность дому Твоего снеде мя»*, – эти слова вспомнили апостолы после очищения Храма Христом. Стихи 13, 18–22 говорят о страданиях Спасителя: *«Даша в снедь мою желчь, и в жажду мою напоиши мя оцта»* – «и дали в пищу Мне желчь, и в жажду моей напоили Меня уксусом».

Псалом 71 называют иногда царским. В нем речь идет о Соломоне, о сыне Давидовом, но идеальный образ царя, который здесь описан, он, конечно, явлен не Соломоном, а

Христом: «да восприимут горы мир людям и холми правду... И пребудет с солнцем, и прежде луны рода родов» (ст. 3, 5), – в этой поэзии более видны мессианские черты, чем образ земного царя: «Будет имя его благословенно во веки, прежде солнца пребывает имя его: и благословятся в нем вся колена земная, вси языцы ублажат его» (ст. 17). Слова ст. 6: «снимет яко дождь на руно» напоминает также о знамении, данном некогда Гедеону (Суд. 6: 36–40).

К 71-му псалму примыкает псалом 88, содержащий обетование Давиду о Сыне (ст. 5, 26–30, 37).

Факт неверия иудеев во Христа во время Его земного служения отмечен в 94-м псалме: «не ожесточите сердце ваших, яко в прогневании, по дни искушения в пустыни: воньже искушиша Мя отцы ваши, искушиша Мя, и видеши дела Моя» (ст. 8–9). На эти слова ссылался апостол Павел, говоря о том, что здесь речь идет о тех, кто не принимает Христа: «...присно заблуждают сердцем, тии же не познаша путей Моих: яко кляхся во гневе Моим, аще внидут в покой Мой» (ст. 10–11). Те, кто не веруют во Христа, и те, кто волею уклоняют свое сердце от Него, не войдут в Царство Небесное.

Псалом 109: «Рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих» (ст. 1). Псалом короткий – 7 стихов, и все стихи целиком мессианского содержания: о прославлении, о предвечном рождении Христовом: «...из чрева прежде денницы родих Тя» (ст. 3) и о том, что Он есть первосвященник Нового Завета: «клятся Господь и не раскается: ты иерей во век по чину Мелхиседекову» (ст. 4).

Псалом 117: «Исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его» (ст. 1). Из этого псалма взяты стихи, которые поются на утрене, после шестопсалмия и мирной ектеньи: «Бог Господь и явился нам, благословен грядый во имя Господне!» (ст. 26–27); «Исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его» (ст. 1); «Обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им» (ст. 11); «Не умру, но жив буду и повем дела Господня» (ст. 17); «Камень, егоже небрегоша зиждуущи, сей бысть во главу угла: от Господа бысть сей, и есть дивен во очесех наших» (ст. 22–23). В этих коротких стихах благовествуется о Сыне Божиим, воплотившемся, страдавшем и воскресшем.

Псалом 131: «Се, слышахом Я во Евфрафе, обретохом я в полях дубравы» (ст. 6), – о рождестве Христа, Сына Давидова (Евфрафа – старое название Вифлеема (Быт. 35: 19; 48: 7): «Клятся Господь Давиду истинною, и не отвержется ея: от плода чрева твоего посажду на престоле твоем» (ст. 11), «Яко избра Господь Сиона, изволи и в жилище Себе... Священники его облеку во спасение, и преподобнии его радостию возрадуются. Тамо возраду рог Давидови, уготовах светильник помазанному Моему» (ст. 13, 16–17), – в этих словах изображается Иоанн Предтеча, о котором Сам Христос говорил: «Он был светильник, горящий и светящий» (Ин. 5: 35).

Пророчества о Божией Матери – уже упомянутые псалмы 44, 71 (ст. 6), а также 131 (ст. 8): «Воскресни, Господи, в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоя».

Из этого перечисления видно, что Псалтирь есть не только учительная, но и пророческая книга. Есть в ней и пророчества о призвании язычников (Пс. 46: 1, 71: 9–10), о проповеди апостолов (Пс. 18: 5) и о других событиях и обстоятельствах Нового Завета.

21.7. Способ исполнения Псалтири

Псалмы изначально предназначены для пения. Об этом свидетельствуют книги Ветхого и Нового Заветов: «Злостраждет ли кто из вас, пусть молится. Весел ли кто, пусть поет псалмы» (Иак. 5: 13). Святитель Афанасий Великий в этой связи говорит следующее: «Необходимо не преходить молчанием и того, почему таковые словеса поются плавным и песенным напевом. Ибо некоторые у нас из людей простых, хотя веруют, что самые изречения богодухновенны, однако же думают, что поются псалмы по благозвучию для услаждения слуха. А это несправедливо. Ибо Писание не заботится о приятности и сладкоречии, да и пение установлено для пользы душевной, как вообще, так, в особенности, по двум следующим причинам».

«Во-первых, прилично было, чтобы Св. Писание песнословило Бога не только последовательной [прозаической] речью, но и не имеющей строгой последовательности [поэтической]. Так, речью связною сказано принадлежащее к закону и пророкам и все повествовательное, со включением Нового Завета. Не имеющей же строгого порядка речью сказано заключающееся в псалмах и песнопениях. А этим и соблюдается требуемое Законом, чтобы люди любили Бога всею крепостию и силою» [5, с. 29]. Во-вторых, поскольку в душе бывают различные движения ума, воли и сердца, то Писание требует, чтобы эти способности не были в разногласии и раздоре, но чтобы человек всецело и стройно, во всех движениях души, служил воле Божией. «Подобием же и образом такого безмятежного и спокойного состояния помыслов служит приведенное в стройную меру произношение псалмов; потому что, как душевные помышления свои мы делаем известными и выражаем посредством произносимых нами слов, так и Господь, желая, чтобы сладкозвучие слов служило символом духовной стройности в душе, установил петь чинно и произносить псалмы нараспев» [5, с. 31].

«Посему, не таким способом читающие Божественные Песни псалмопевают неразумно, услаждают же сами себя, и навлекают на себя порицание, что *“не красна похвала во устех грешника”* (Сир. 15: 9). Но поющие сказанным выше способом, – так что благозвучие речений происходит у них от благонастроенности души и от согласия ея с духом, – хотя поют устами, но, воспевая вместе и умом, великую доставляют пользу не только себе, но и желающим их слушать. <...> Таким образом, кто поет хорошо, тот приводит в стройность душу свою и как бы из неровной делает ровною, и душа, пришедши в состояние, сообразное с ее природой, ничего не боится, но делается тем паче способною к живости представлений и приобретает большее желание будущих благ; потому что, настроенная благозвучием речений, забывает страсти, и, помышляя лучшее, с радостью обращается к уму, сущему во Христе» [5, с. 31–32].